

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

.....

И. В. Мирошниченко¹

В статье рассматриваются проблемы использования сетевой методологии в изучении публичной политики. Обосновывая потребность интеграции теоретического моделирования и эмпирических исследований, автор анализирует особенности формирования субъектности сетевых сообществ на различных уровнях и стадиях публичной политики в России.

Ключевые слова: сетевые сообщества, публичная политика, online- и offline-пространство, формирование политической субъектности, гражданское общество, мобилизация протеста, инкорпорирование в процесс принятий решений.

In article is studying problems of network methodology in a public policy. Argue the need for integration of theoretical modeling and empirical research, the author analyzes features of network community's subjects formation at various levels and stages of a public policy in Russia.

Key words: network community, public policy, online and offline environment, subjects formation, civil society, protest mobilization, incorporating in policy making process.

Изучение публичной политики как одно из быстро развивающихся направлений прикладной политической науки чрезвычайно востребовано в решении актуальных политических проблем. В то же время исследование феномена российской публичной политики предполагает создание адекватных политической действительности концептуальных моделей и инструментов научного анализа, позволяющих интегрировать теоретико-методологические разработки с эмпирическими исследованиями.

¹ Мирошниченко Инна Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: mirinna78@mail.ru

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 11-03-00519а «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества».

В современной политической науке сложилось несколько методологических подходов к содержательному наполнению термина «публичная политика». В американской традиции публичная политика определяется «как относительно стабильный целевой курс действий, которому следует правительство при решении некоторых проблем и вопросов» [3, с. 12]. В данном случае публичная политика встраивается в процесс формирования и реализации государственной политики с учетом общественных запросов.

Европейская традиция исследования публичной политики основана на концепции публичной сферы, заложенной в работах немецких ученых Ю. Хабермаса и Х. Арендт. Системообразующим основанием развития публичной сферы Ю. Хабермас считает способность людей формировать политическое сообщество или политическую публику, принимать участие в обсуждении значимых для общества проблем. «Публичная сфера понимается как особая коммуникативная среда, где рождается общественное мнение, которое выполняет функцию критики и контроля по отношению к государству» [15, с. 46]. Данный концепт получил свое дальнейшее развитие в отечественной политической науке. Ю. А. Красин определяет публичную сферу как пространство «реализации присущих любому обществу коммунитарных интересов» [16, с. 16], куда входят акторы, которые не вовлечены непосредственно в процесс реализации властных функций. Как отмечает Т. А. Алексеева, публичная сфера приобретает политическое измерение, когда интересы общества направлены на деятельность государства [1, с. 145].

Ряд отечественных исследователей, интегрируя различные теоретические подходы, характеризуют публичную политику как «деятельность органов власти, направленную на решение значимых для населения проблем и осуществляемую с участием структур гражданского общества... Это процесс открытого достижения согласия власти и общества» в решении социальных проблем» [4, с. 23]. Л. И. Никовская под публичной политикой понимает «программы и приоритеты органов власти, а также механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей», что тесно связано общественным участием в принятии властных решений [23, с. 123].

Описывая методологию исследования публичной политики в российской политической науке, М. Н. Кондрашина выделила следующие характеристики публичной политики, которые «могут стать узловыми точками анализа:

- коммуникационный процесс, поскольку публичная политика, на каком бы уровне развития она ни находилась в той или иной стране, всегда представляет собой информационное взаимодействие;
- открытость, которая означает доступность публичного пространства для определенного круга субъектов (общественных институтов, граждан,

СМИ, государства и т. д.) и максимальное свободное циркулирование информации;

— обеспечение условий для участия граждан в политическом процессе, в том числе через создание дискуссионных площадок и формирование общественного мнения;

— содержательная направленность на формулирование и реализацию общественных интересов в целях достижения общего блага» [15, с. 46].

Появление и развитие концепта публичной политики в российской политической науке было обусловлено потребностью расширить пространство публичной сферы в условиях социально-экономических и политических преобразований, которая актуализируется сегодня как со стороны экспертного сообщества, так и институтов гражданского общества. Пытаясь примерить на объективную политическую реальность различные теоретические подходы, российские ученые создали национальную модель публичной политики, которая является скорее отражением нормативных представлений, чем эмпирических исследований.

Сетевая методология открывает новые возможности для теоретического моделирования и эмпирических исследований современной публичной политики. Как отмечает Д. Дзола, сетевой анализ публичной политики позволит учесть сложность и многосоставность социально-политических процессов [10, с. 35-37]. Основанием для интеграции сетевого анализа в сферу публичной политики служит когнитивная конструкция формирования субъектности сетевых сообществ в сфере публичной политики, которая позволяет рассматривать взаимообусловленность ряда аспектов.

Во-первых, актуализацию политической субъектности социальных сетей, способствующих возникновению позитивных и негативных экстерналий эффектов в политическом пространстве [22, с. 60-76]. Позитивные сетевые эффекты связаны с процессом формирования и развития гражданского общества посредством мобилизации социального капитала горизонтальных сетевых структур. Развивая традиции, заложенные Р. Патнэмом, ряд зарубежных исследователей проецируют проблему гражданского участия на социальные сети незападных политических систем и развивающихся по пути демократии обществ [см.: 34]. В случае ослабления политических партий и иных институционализированных структур способность социальных сетей выдвигать эффективные требования и санкционировать действия органов власти остается ограниченной. Кроме того, отсутствие дееспособных медиативных агентов ведет к негативным экстерналий эффектам актуализации социальных сетей в политическом процессе. Впоследствии в интерпретации М. Олсона данные эффекты были определены как «негативный социальный капитал», или социальные связи, препятствующие политическому и экономическому процветанию государства [2, с. 92-114].

Во-вторых, динамику и характер институционализации социальных сетей в сферу публичной политики в online- и offline-пространстве. Большинство политологических работ, выполненных в рамках сетевого подхода, описывают структуру политических сетей, действующих в секторе госуправления, оставляя без внимания вопросы, связанные с их инкорпорированием в процесс принятия политико-управленческих решений, оценки взаимосвязи конструктивных практик и уровня институционализации сетевых структур в современном политическом пространстве.

Для исследования публичной политики этот подход приобретает еще большее значение в результате того, что «государственная политика сегодня включена во все шире разветвляющуюся и все более плотную сеть транснациональных и внутриобщественных зависимостей и договорных отношений» [36, с. 621]. Как отмечает М. Кастельс, сетевая форма общественной организации, в том числе и публичной политики, становится доминирующей, образуя новую общественную морфологию, где «власть структуры оказывается сильнее структуры власти» [13, с. 492].

Процесс формирования политической субъектности сетевых сообществ имеет многоуровневый характер, обусловленный сложностью феномена публичной политики. При этом под сетевыми сообществами понимается совокупность социальных взаимоотношений, социальных связей, действующих в различных средах (offline и online) между определенными индивидами, и самими индивидами, позволяющих обмениваться различными видами ресурсов в процессе их взаимодействия.

Элементы публичной политики, которые интерпретируются в различных теоретических концепциях, объединены Ж.-Л. Ле Муанем в системную модель публичной политики, основанную на трудах Д. Истона и Ж.-В. Лапьерра [см.: 33]. Согласно данному подходу публичная политика — это совокупность действий, ориентированных на решение публичной проблемы в окружении политической системы [11, с. 28]. Развивая положения данного подхода, можно выделить следующие уровни публичной политики, в которых формируются различные типы политической субъектности сетевых сообществ:

- внешнее и внутреннее окружение публичной политики;
- коммуникативные площадки на «входе» и «выходе» политической системы;
- процесс разработки и реализации программ политического действия органами власти, направленный на реализацию публичных проблем.

Первый уровень представляет собой внешнее и внутреннее окружение, включающее в себя гражданское общество и являющееся источником публичного начала в тех проблемах, на решение которых нацелена публичная политика. Гражданское общество как внутреннее и внешнее окружение пу-

бличной политики выполняет функцию связующего звена между личностью и государством, частной и публичной сферами, частными и общими интересами. В данном случае под гражданским обществом понимается среда, которая способствует формированию действенных солидарностей и складывающихся на ее основе формах самоорганизации и гражданской активности [18, с. 14-15]. Переход от межличностных взаимодействий (внешнее окружение публичной политики) к отношениям общественных организаций и государства (внутреннее окружение публичной политики) происходит в результате образования социальных сетей, действующих на основе доверия, что в свою очередь является социальным капиталом. Так, Ф. Фукуяма в качестве индикаторов развития гражданского общества рассматривает на примере исследования «Янки Сити» включенность граждан в различные сетевые сообщества, где в общине из 17000 членов было насчитано 22000 различных общественных групп [29, с. 86]. Плотность горизонтальных сетевых отношений обеспечивает доверие не только к ближайшему социальному окружению, но и к институтам власти и позитивной оценке их роли в поддержке общественного доверия. Социальный капитал как система сетевых отношений солидарности, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества способствует мобилизации гражданского участия и созданию общественных организаций с целью развития сообщества в целом [6, с. 149]. Исследователи выделяют следующие разновидности солидарных действий, основанных на социальном капитале и типичных для России: 1) взаимную помощь, оказываемую в режиме межличностного взаимодействия, не предполагающую образование коллективного субъекта; 2) объединение для решения собственных проблем, предполагающее образование ad hoc коллективного субъекта «малого радиуса действия»; 3) объединение для решения общественных проблем, предполагающее общественно значимое гражданское действие и формирование устойчивого социального субъекта [24, с. 301]. Для первого действия характерны реальное включение и готовность граждан участвовать в социальных сетях поддержки. Результаты серии крупномасштабных опросов, проведенных ФОМ осенью 2007 г., показывают, что в результате родственных и дружественных связей была получена помощь соответственно 79,7 и 68% респондентов. В свою очередь сети поддержки служат предпосылками создания НКО как аккумулятора социального капитала и механизма, упрощающего коммуникации между индивидами и властными структурами [8, с. 69-73]. Последние два типа солидарных действий способствуют институционализации гражданских объединений (общественных движений и НКО) и формированию потенциальных субъектов сетевых сообществ в сфере публичной политики, которые могут дифференцироваться в зависимости от социальных различий и видов социального неравенства: социально-экономического, экологического, этнического, социокультурного, политического, неравенств, связанных со степенью мобильности населения (миграционными потоками), доступом к информации и включенностью в гло-

бализационные процессы [30, с. 265-280]. При этом под потенциальными политическими субъектами понимаются сообщества, обладающие определенными ресурсами (капиталами), сформулированными потребностями и интересами, но не имеющие внутренних (мобилизационного потенциала) или внешних оснований (условий, обстоятельств), которые могли бы способствовать политическим действиям [20, с. 58].

Актуализация политической субъектности гражданских инициатив/объединений происходит на втором уровне публичной политики, который характеризуется информационно-коммуникативными процессами, связанными с формированием общественного мнения на «входе» и «выходе» политической системы. «Вход» и «выход» политической системы соответствуют «окантовочным», коммуникативным составляющим процесса публичной политики, который состоит из нескольких стадий: 1) стадии составления политической повестки дня (определение приоритетных общественных проблем и включения в официальную повестку публичной политики); 2) стадии формирования политики (процесса разработки политики, на которой официально выдвинутые предложения прорабатываются и принимаются/отвергаются должностными лицами); 3) стадии реализации политики (процесс проведения в жизнь определенных политических решений); 4) стадии оценки политики (анализ публичной политики с целью определения того, насколько она успешна). Учет процессуального компонента в научном анализе публичной политики весьма значим, так как позволяет не только выявить состав задействованных в ней участников, но и процедуры, используемые для принятия решений, и степень сотрудничества или конфликтности, которые им обычно сопутствуют [9, с. 528].

На «входе» политической системы происходит агрегация и артикуляция интересов сетевых сообществ и их встраивание в качестве политических акторов в коммуникативную площадку публичной политики соответствующей стадии — «составление политической повестки дня». На «выходе» сетевые сообщества, включаясь стадию оценки политики, оценивают эффективность деятельности органов власти по решению актуализируемых ими общественных проблем. Следует отметить, что основной тенденцией функционирования публичной сферы в компаративном срезе является интернетизация, которая способствует усложнению информационно-коммуникативного взаимодействия субъектов публичной политики. Коммуникативные площадки на «входе» и «выходе» политической системы отражаются в online-пространстве публичной политики. Н. А. Рябченко определяет online-пространство публичной политики как совокупность спроектированных пользователями систем, основанных на применении технологиях web 2.0 и web 3.0, отражающих offline-пространство публичной политики, а также создающих и расширяющих единое информационно-коммуникативное пространство публичной сферы. [27,

с. 376-382]. Функционирование online-пространства публичной политики обусловило следующие узловые точки в актуализации политической субъектности сетевых сообществ: а) с развитием блогосферы и online-социальных сетей происходит усложнение сетевой структуры российского общества и формирование новых сетей поддержки; б) создание на коммуникативных площадках публичной политики интерактивной среды «медиакомьюнити», способствующей не только формированию принципиально новых информационных возможностей для политических дискуссий и участия, но и конституированию новых групп и контргрупп политической сетевой общественности; в) мобилизация сетевой общественности посредством интернет-технологий, которые способствуют институционализации политической субъектности в offline-пространстве публичной политики [см.: 19; 31].

В условиях закрытости российской политики Интернет становится инструментом мобилизации сетевой общественности и организации протестных действий в публичной сфере. Институционализация политической субъектности сетевых сообществ на этом уровне в большей степени носит мобилизационный характер и приобретает партисипационную форму субъектности публичной политики (в качестве постоянно действующего субъекта политических отношений, практически использующего свои ресурсы в целях изменения характера функционирования государственной власти и управления) при объединении с сильноресурсными политическими субъектами (политическими партиями, элитными группами и т. д.).

На третьем уровне публичной политики происходит процесс разработки и реализации программы политического действия органами власти, направленный на реализацию публичных проблем: политическая субъектность сетевых сообществ актуализируется через механизмы инкорпорирования в стадии формирования и реализации публичной политики, т. е. осуществляется процесс принятия государственных решений. Рассмотрим эти механизмы подробнее.

1. *Рекрутирование элит на основе местнических сетей (земляческих, этнических, мигрантских и т. д.)*, когда представительство интересов сводится к включению в процесс принятия решения членов социальных сетей путем обретения ими бюрократического капитала. Тогда горизонтальные сетевые взаимодействия, основанные на доверии, могут трансформироваться в патрон-клиентарные формы, где доверие выстраивается на основе уже иерархических принципов «авторитет — подчинение». К ним мы можем отнести криминально-мафиозные группировки, тюремные сообщества и патрон-клиентарные отношения в политике, столь распространенные в «плотных» сетевых обществах [2, с. 92-114].

2. *Инкорпорация посредством сетевых форм коррупционных практик*, при которых коррупция выступает альтернативным способом выдвижения

политических интересов. Коррупционные практики получают свое развитие с помощью социальных сетей в условиях дефицита возможностей повлиять на принятие публичных решений. В этих условиях политико-административные решения превращаются в товар (административный рынок), который распространяется с помощью сетевого маркетинга, где сети служат каналами распространения бюрократических услуг. Как указывает Я. Карнаи, дефицит автоматически порождает серые и черные рынки, а их функционирование и защита поддерживаются коррупцией [12, с. 454]. Так, например, созданию механизмов теневой политики и экономики способствуют формы сотрудничества власти и бизнеса по смягчению неблагоприятной институциональной среды. Если интересы сетевого сообщества игнорируются формальной политической системой, то коррупция в этих условиях становится альтернативным каналом политического влияния [5, с. 29-36], с помощью которого возможно воздействие на процесс уже имплементации политического решения.

Инкорпорирование социальных сетей в систему публично-государственной политики посредством сетевых форм рекрутирования политических элит и коррупционных практик способствует формированию политических сетей, используя терминологию Р. Роудза и Д. Марша, «политических сообществ», для которых характерны следующие черты:

- ограниченное число участников с намеренным исключением некоторых групп;
- интенсивное и регулярное взаимодействие всех членов сообщества по поводу любой проблемы, относящейся к государственной политике;
- общность ценностей, чувство причастности и согласие по поводу результатов политики, которое не меняется со временем;
- консенсус, при котором участники придерживаются общей идеологии, общих ценностей и предпочтений, относящихся к государственной политике;
- наличие права обладания ресурсами у всех членов данного сетевого сообщества (их отношения представляют собой либо обмен, либо торг ресурсами);
- равновесие сил, что не всегда предполагает ситуацию, при которой все члены сообщества получают одинаковые преимущества, но все члены всегда считают, что участвуют в игре с положительной суммой;
- иерархическая структура участвующих групп, что позволяет их лидерам гарантировать подчинение [35, с. 176].

Как правило, политико-управленческие сообщества воспроизводят существующий институциональный порядок, ориентируясь при этом на достижение не общественных, а частных интересов.

3. Инкорпорация социальных сетей в систему принятия политических решений с помощью создания институционализированных форм сотрудни-

чества органов власти и сетевого гражданского общества. Как правило, это находит свое отражение в виде функционирования проблемных политических сетей, которые представляют собой «подвижное взаимодействие» акторов, различных по уровню (институционализированные, коллективные, индивидуальные) и по статусу (органы власти, общественность), для решения общественно значимой проблемы в условиях конфликтной ситуации. Основным инструментом согласования различных групп интересов в проблемных сетях служат консультации. М. Липски, называя непосредственное взаимодействие с населением «уличным уровнем» политики, отмечает приближенность к проблемам граждан чиновников низшего звена управления, высокую скорость принятия решений [17]. Наибольшую роль проблемные сети играют на этапах рассмотрения управленческих альтернатив, выдвижения целей и согласования позиций.

4. Краудсорсинг представляет собой механизм инкорпорирования *online-социальных сетей* в процесс принятия политико-управленческих решений. Согласно терминологии американского экономиста Э. фон Хиппеля, краудсорсинг — это «инновация с расчетом на пользователя» [32]. Особенности технологии краудсорсинга в публичной политике заключаются в том, что органы власти (в отличие от экономических субъектов) полагаются на пользователей не только в вопросе формулировки потребностей, но и в определении эффективных управленческих практик, которые бы удовлетворили эти потребности с использованием информационных технологий. Краудсорсинг позволяет интегрироваться членам социальных сетей в экспертное политическое сообщество и продуцировать инновационные проекты, способствующие не только распространению эффективных управленческих практик, но и модернизации отдельных сфер жизнедеятельности человека [21, с. 99-109].

Таким образом, интеграция методологических установок сетевого подхода в эмпирические исследования публичной политики дает возможность расширить научные знания о конструктивном потенциале сетевых структур гражданского общества как в *offline-*, так и в *online-*среде, механизмах их политической мобилизации, институционализации и инкорпорировании в процесс принятия политических решений. Кроме того, сетевая методология как мета-теоретическая конструкция позволяет выйти на практический уровень реализации публичной политики.

Библиографический список

1. Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // Проблемы и суждения: голоса российской политологии: сб. тр. М.: КДУ, 2004.
2. Алексеенкова Е.С. Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей // Полис. 2007. №3.

3. *Андерсон Дж.* Публичная политика: Введение // Публичная политика: от теории к практике/сост. и науч. ред. Н.Ю. Данилова, О.Ю. Гурова, Н.Г. Жидкова. СПб.: Алетейя, 2008.
4. *Беляева Н.Ю.* Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. 2007. № 1.
5. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя, 2007.
6. *Бузгалин А.В.* Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. 2011. № 3.
7. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. *Градосельская Г.В., Петренко Е.С.* Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
9. *Джанда К.* [и др.] Трудным путем демократии/К. Джанда, М. Берри, Дж. Голдман, В. Хула. М.: РОССПЭН, 2006.
10. *Дзола Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М.; Изд. дом Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2010.
11. *Желтов В.В.* Публичная политика: учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
12. *Карнаи Я.* Дефицит. М.: Наука, 1990.
13. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
14. *Кертман Г.А.* Межличностное доверие в России // Социальная реальность. 2006. № 4.
15. *Кондрашина М.Н.* Публичная политика как поле: к вопросу методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327 (окт.).
16. *Красин Ю.А.* Российские проблемы публичного // Публичная политика. Приложения. М.: Университет Калгари — Горбачев-фонд, 2005.
17. *Липски М.* «Уличный» уровень бюрократической системы управления: важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления: американская школа. М.: Изд-во МГУ, 2003.
18. *Мерсиянова И.В., Якобсон А.И.* Институционализация гражданского общества и третий сектор // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
19. *Мирошниченко И.В.* Конструирование сетевой общественности в цикле online публичной политики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4.
20. *Мирошниченко И.В.* Политическая культура социально-профессиональных групп. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
21. *Мирошниченко И.В.* Политическое измерение краудсорсинга в условиях модернизации современной России // Экстраординарность, случайность и протест в по-

- литике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001.
22. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. «Инвесторы политического капитала»: социальные сети в политическом пространстве региона // Полис. 2009. № 2.
 23. Никовская Л. И. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. М.: РОССПЭН-РАПН, 2008.
 24. Оберемко О. А. Общество как пространство для самоидентификации и гражданского действия // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
 25. Олескин А. В. Сеть как метафорический образ культурной онтологии и сетевые структуры в социуме: приложимость к экологической проблематике. URL: <http://iph.ras.ru/~imosk/Seminar/oleskin/Oleskin.htm>
 26. Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: международные сравнения. М.: СОВПАДЕНИЕ, 1998.
 27. Рябченко Н. А. Online публичная сфера России в преддверии электорального цикла 2011-2012 гг. // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011.
 28. Сморгунув Л. В. Сетевая методология исследования политики. URL: <http://politanalysis.narod.ru/smorgunov2.htm>.
 29. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2008.
 30. Халий И. А. Институты гражданского общества в современной России: к методологии изучения // Россия реформирующаяся: ежегодник. М.: ИС РАН, 2007. Вып. 6.
 31. Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
 32. Crowdsourcing. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crowdsourcing>
 33. Easton D. A. Systems Analysis of Polical Life. New York, 1965.
 34. Krishna A. Enhancing Political Participation in Democracies: What is the Role of Social Capital? // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35, № 4.
 35. Marsh D., Rhodes R. F. W. Policy Networks in British Government. Oxford, 1992.
 36. Scharpf F. W. Die Handlungsfähigkeit des Staates am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts // Politische Vierteljahresschrift. 1991. 32 Jg., Heft 4.